

Майские: тройной портрет | The Maiskys: A Triple Portrait

Auteur: Надежда Сикорская, [Вербье](#), 24.07.2013.

Майские: Саша, Миша и Лили (Nasha Gazeta.ch)

Прославленный виолончелист Миша Майский и его дети Лили и Саша встретились с публикой Фестиваля в Вербье. Предлагаем вашему вниманию основные моменты этой беседы, которую вела редактор Нашей Газеты.ch.

|

A famous Riga-born chellist Misha Maisky and his kids, Lily and Sasha, met the Verbier

Festival audience for a talk, moderated by the editor of Nasha Gazeta.ch.

The Maiskys: A Triple Portrait

Виолончелист Миша Майский не нуждается в представлении публике фестиваля в Вербье. Он приезжает сюда практически каждый год с самого первого выпуска, и его виртуозная игра, буйная шевелюра и красочные туалеты дизайнера Issey Miyake стали частью фестивальной легенды. Его старшие дети, пианистка Лили и скрипач Саша, выросли здесь же. И вот 20 июля в Церкви Вербье прошел их первый совместный концерт, в программе которого прозвучали произведения Шуберта, Шостаковича и Брамса, а на закуску, чтобы поубавить серьезности, «Юмореска» Родиона Щедрина.

Через два дня в аудитории Шале Орни, где с утра проходят мастер-классы скрипки, собрались желающие пообщаться с этим замечательным семейством живьем – некоторым пришлось сидеть на полу. Мы решили не рассуждать о музыке вообще, а поговорить о жизни музыкантов, которая гораздо сложнее, чем может казаться. К сожалению, Лили и Саша по-русски не говорят (Миша сваливает ответственность за это на их маму-американку), так что разговор шел на английском.

Наша Газета.ch: Миша, Вы - один из старожилов фестиваля в Вербье, один из самых верных его участников. Помните ли Вы свой первый приезд и то, как адаптировались к своеобразной фестивальной обстановке Ваши дети?

Ми

Миша Майский (Nasha Gazeta.ch)

Миша Майский: Прекрасно помню! Это было в 1994 году, мы отметили здесь седьмой день рождения Лили – она родилась 28 июля, в день смерти Баха. Она даже дебютировала тогда, сыграв со мной пятый бис – ту самую прекрасную «Аве Марию»

Баха-Гуно, которую в этом году в той же Церкви спела Барбара Хендрикс. Лили играла Баха, а я Гуно. А Саше было, соответственно, пять лет.

Лили, а Вы помните этот день?

Очень отчетливо. У меня шатался передний зуб, и я все просила маму мне его вырвать. И прямо перед моим выходом на сцену она это сделала. На сцене я немножко заблудилась, и мой дедушка взял меня на руки и поставил на место – к роялю.

Саша, а Вы?

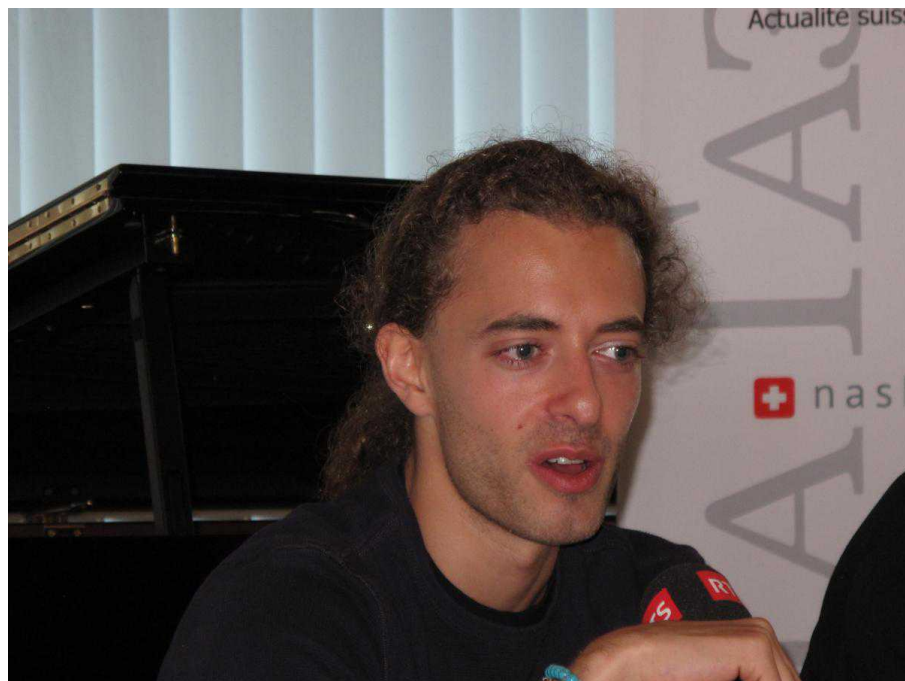
Первые фестивальные годы как-то слились в моей памяти в единую прогрессию Вербье – знакомые места, знакомые лица, ощущение дома.

Вопрос к младшим Майским: знаменитый папа – это благословение или проклятие, а blessing or a curse ?

Саша: Это зависит от баланса. В нашем случае это, конечно, благословение, особенно в связи с тем, что мы тоже избрали музыку своей профессией. Обладание возможностью быть с детства погруженными в лучшее, что есть в музыкальном мире, лично общаться с лучшими музыкантами – это, конечно, бесценная привилегия. Кроме того, это позволяет вам уже в раннем возрасте понять, что означает быть музыкантом такого уровня – вопреки возможным ошибочным представлениям.

Лили: Я полностью согласна с братом.

Миша, Вы – единственный виолончелист, которому довелось учиться и у Мстислава Ростроповича, и у Григория Пятигорского. Можно ли сравнивать две эти выдающиеся личности, две эти школы?

Саша Майский (Nasha Gazeta.ch)

Я мог бы говорить о них бесконечно, а было бы время и талант, написал бы книгу, а может, и две! Я считаю себя самым счастливым виолончелистом в мире – счастье учиться у них обоих было невероятной удачей, подарком судьбы. Оба они вышли, в

общем, из одной школы – русской, уж не знаю, что именно это означает. Несмотря на очень разные характеры, меня всегда поражало, сколь много было между ними общего. От Ростроповича я получил как бы переливание крови, настолько мы были близки, и я очень боялся, направляясь к Пятигорскому, что придется что-то менять. Но ничего менять не пришлось. У них была очень похожая манера преподавания – отличная от «нормальной». Они никогда не рассуждали об игре на виолончели как таковой. Они заходили с обратной стороны, пытаясь помочь молодому музыканту четко понять для самого себя, к чему он стремится, какова его цель. Обладая таким четким пониманием, ты сам найдешь дорогу, и дороги эти могут быть разные, главное – добраться до цели.

Какова же эта главная цель?

Сама Музыка. Инструмент же, будь то фортепиано, скрипка, виолончель, что угодно, – это лишь способ ее достижения. Увы, сегодня об этом порой забывают – конкуренция между молодыми музыкантами огромная, и многие, ради скорейшего успеха, сосредотачиваются лишь на том, чтобы играть больше, быстрее, громче, лучше. На технике. В результате приоритет смещается, Музыка отходит на второй план. Ошибочность такого пути – главное, чему я научился у моих педагогов, наследие которых я до сих пор осваиваю.

Вы часто говорите об особых человеческих отношениях, которые связывали Вас с Ростроповичем и Пятигорским...

Это правда. Дело в том, что я попал к Ростроповичу (он пригласил меня в свой класс в Московской консерватории после моей победы на Всесоюзном конкурсе исполнителей) через несколько месяцев после того, как скоропостижно скончался мой отец. В какой-то степени он стал моим вторым отцом, настолько он поддерживал меня не только в музыке, но и в жизни. Возможно, произошло это еще и потому, что обладание сыном было одним из немногих его нереализованных желаний – как известно, у него две дочери. Когда мы виделись в последний раз, было это на Фестивале в Кронберге, он так и сказал: «Знаешь, ты мне как сын». И я сам всегда это чувствовал.

Семейный концерт Майских в Вербье (Aline Paley)

И это повторилось с Пятигорским?

Отчасти. Я приехал к нему в Лос-Анжелес, когда он был уже очень болен – рак легких, курил он всю жизнь нещадно. Он обожал говорить по-русски и делал это изумительно, не то, что наши современники. Видно было, что ему очень хотелось поделиться, именно на этом языке, своим огромным жизненным опытом – еще увеличенным, по мнению некоторых, его воображением. Поделиться с кем-то, кто был, как я, сухой губкой, жаждущей впитывать... Я провел с ним четыре месяца, но если подсчитать реальное время, то, возможно, получится больше, чем за четыре года с Ростроповичем, который постоянно был в разъездах. Это было лучшее время моей жизни. Разумеется, сравнивать Растроповича и Пятигорского – тоже самое, что сравнивать Баха и Моцарта. Дело было во мне – я к тому времени был лучшим студентом. Я был старше, а за несколько предшествовавших отъезду лет пережил столько, что ощущал себя старше лет на двадцать... Это было незабываемое время, начало моей новой жизни, и я до сих пор обожаю Калифорнию и Лос-Анжелес.

Ваша новая жизнь началась не просто так: в 1970 году Вы были арестованы и провели в заключении 18 месяцев. Почему?

Знаете, я сам до сих пор задаю себе этот вопрос: почему? Ничего особенного, обычная для тех времен история, которую вкратце можно рассказать так. Моя сестра, которая, кстати, сейчас в Вербье, уехала с семьей в Израиль в начале 1969 года. И я сразу стал подозреваемым. Помните анекдот. Взяли человека, привезли на допрос на Лубянку. Следователь говорит: «Садитесь, обвиняемый». Тот возмущается: «Я не обвиняемый, я только подозреваемый». Следователь подходит к окну, показывает ему на толпу народа и говорит: «Вот они – подозреваемые, а Вы – обвиняемый».

Следуя этой

Миша и Лили Майские
(Nasha Gazeta.ch)

логике, все евреи подозревались в намерении эмигрировать, даже если они об этом и не задумывались. А уж если Ваша родная сестра уезжала, Вы сразу переходили в категорию обвиняемых.

И Вы решили последовать за сестрой?

Конечно, я хотел сначала закончить Консерваторию, получить диплом, а потом уехать. Меня не могли просто так вышвырнуть – все же я учился у Ростроповича, был лауреатом Конкурса имени Чайковского. Они реально осложняли мне жизнь – не давали выступать, не выпускали за границу. Но я продолжал учиться.

Тогда они решили перейти к более радикальным мерам. Помню, как адвокат, с которым я познакомился, как водилось, за полчаса до начала процесса, был потрясен и все объяснял, как мне повезло, что присудили такой небольшой срок. Он был прав – могли засадить лет на восемь. Но мне хватило и этого – полтора года я грузил цемент, внося свой вклад в строительство коммунизма.

Провел два месяца в психиатрической больнице – это был единственный способ не загреметь в армию. Потом подал документы на выезд – это было сложно, долго, я был одним из последних, кого заставили заплатить за мое незаконченное образование, вернее, кто-то это сделал за меня.

И вот 7 ноября 1972 года, в 9 утра, пока на Красной площади шел парад по случаю 55-й годовщины Октябрьской революции, я прибыл ночным поездом в Вену. Я считаю этот день своим вторым днем рождения.

Как отреагировал Ростропович на Ваше решение уехать?

Он прекрасно понял. Если бы мой арест случился парой лет раньше, его влияния хватило бы, чтобы меня вытащить. Но в тот момент, летом 1970 года, начались его собственные неприятности – из-за дружбы с Солженицыным. Когда же я вышел из тюрьмы, он сказал, что страшно мне завидует, что хотел бы иметь такой опыт. И он

был искренен. И знаете, пусть это прозвучит странно, но даже я, по прошествии лет, не только не жалею, но даже благодарен за этот опыт. Потому что, даже не получив диплома Московской консерватории, я получил полноценное образование жизнью.

От Консерватории же получил свидетельство о пройденной программе за четыре года. Я не сдал экзамен по научному коммунизму и еще какой-то из б3. Камерный класс успел сдать раньше – вместе с Радугу Лупу мы сыграли все сонаты Бетховена для его экзамена по специальности годом ранее.

Был ли выбор у Ваших детей, или музыка была единственной возможной профессией?

Саша: Конечно, выбор был. Растя в окружении музыки, мы рано развили любовь к ней. Позиция папы и остальных членов семьи была четкая – мы должны заниматься насколько возможно серьезно, но делать музыку профессией, только если сами захотим. Как и все обычные дети, не вундеркинды, мы не очень любили заниматься. И никто нас не заставлял. Неизбежно противостояние между родителями и детьми. Но в итоге любовь к музыке возобладала, и занятия стали удовольствием.

Лили: У нас было очень сбалансированное детство, никто не заставлял нас заниматься целыми днями, но я очень благодарна за активное «поощрение» – без него мы не были бы сегодня здесь.

Миша: Конечно, мне хотелось, чтобы они занимались музыкой. Помните, когда Генри Форд создал свой первый черный автомобиль просто потому, что не мог представить себе другого цвета. И когда потом его спрашивали, не хочет ли он ввести новые цвета, он говорил: «Выбирайте любой цвет, лишь бы это был черный». Так и я – предоставил им полную свободу в выборе инструмента: хочешь, играй на скрипке, хочешь, на фортепиано. Только играй. Если же говорить серьезно, то я всегда их поощрял, стимулировал, но никогда не заставлял. Главным для меня было, чтобы они любили музыку, понимали ее.

Миша, Вы учились у выдающихся педагогов. Думаю, выбор учителей для собственных детей был для Вас делом нелегким.

Вместе в жизни и на сцене (Aline Paley)

Очень нелегким! Существует миф о советской системе образования, который я считаю несколько раздутым. При том, что система, действительно, очень хорошая, и жаль, что на Западе так трудно найти нечто подобное, позволяющее совмещать общеобразовательную школу с профессиональной подготовкой. При этом наша система была слишком строгой, и нас заставляли изучать массу предметов – типа научного коммунизма – мягко говоря, не важных. Однако результаты показывают успех системы на примере нескольких поколений.

Нас тогда ничто не отвлекало – ни телевизор, ни компьютерные игры, ни какая-то роскошь. Я часто сравниваю музыку с шахматами, еще одна область, в которой мы добились больших успехов. Представьте себе: огромная страна, шесть месяцев холод, делать нечего. Половина населения спивается, а вторая пьет чай и играет в шахматы. Это, конечно, преувеличение, но...

На Западе талантливый, преуспевающий человек в любой области может рассчитывать на успешную, комфортную жизнь. В СССР такой уверенностью обладали только члены Политбюро, жившие как на другой планете. Другими привилегированными категориями были спортсмены и музыканты, так как они использовались как средства пропаганды системы за рубежом.

Самые талантливые дети отбирались и направлялись в Москву или Санкт-Петербург. Потрясающий результат основывался на сочетании талантливейших детей с талантливейшими педагогами: помню, как в Московский консерватории я не верил собственным глазам, сталкиваясь в коридоре с Гилельсом, Рихтером, Ойстрахом, самим Шостаковичем! Однако результаты, видные Западу, были лишь верхушкой айсберга.

Так что же Вы выбрали для своих детей?

Мы жили в Бельгии, они ходили в обычную школу, до 15.30. Плюс домашние задания. Иногда они вставали в 6 утра, чтобы хоть часик позаниматься. Так продолжаться долго не могло, и мы отправили их в Интернат в Лондон, в знаменитую школу Перселла, по своей структуре очень напоминающую советскую.

Саша, кто были Ваши педагоги?

У меня их было много, но основными я считаю Бориса Кушнера и Евгения Грача.

Миша, у Вас есть также трое младших детей. Они тоже занимаются музыкой? Не младший, конечно, ему еще нет пяти месяцев.

Почему же не младший?! Я уверен, что дети начинают прислушиваться к музыке еще в животе у матери!

Да, у меня есть еще три мальчика. Вообще, все мои дети умудрились родиться в разных странах – Лили во Франции, Саша в Бельгии, Максим в Италии, Мануэль в Швейцарии, а последний, Маттео, почти родился в Германии, но в итоге получилось тоже в Италии, вот он подпортил нам картину.

Максим, ему восемь с половиной, занимается на виолончели, Мануэль, четыре с половиной, - на фортепиано и пытается на виолончели. Ну, про Маттео еще рано говорить.

Значит, есть основания полагать, что когда-нибудь на Фестивале в Вербье выступит секстет Майских?

(смеется) Поживем-увидим!

За свою жизнь Вы сменили несколько стран и очень много путешествуете. Где Вы ощущаете себя как дома?

Везде, где любят музыку!

От редакции: В оставшиеся фестивальные дни Миша Майский примет участие в юбилейном концерте 28 июля, и в камерном – 31-го. Ознакомиться с деталями программы и заказать билеты можно на [сайте фестиваля](#).

Во время интервью (Nasha Gazeta.ch)
[фестиваль в Вербье](#)
[Миша Майский](#)
[Мстислав Ростропович](#)

[Надежда Сикорская](#)
Nadia Sikorsky
Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/mayskie-troynoy-portret>